

ТАТЬЯНЫ ПОЛЯКОВОЙ:

Деньги для киллера
Ставка на слабость
Тонкая штучка
Я – ваши неприятности
Строптивая мишень
Как бы не так
Чего хочет женщина
Сестрички не промах
Черта с два
Невинные дамские шалости
Жестокий мир мужчин
Отпетые плутовки
Ее маленькая тайна
Мой любимый киллер
Моя любимая стерва
Последнее слово за мной
Чумовая дамочка
Интим не предлагать
Овечка в волчьей шкуре
Барышня и хулиган
У прокурора век недолог
Мой друг Тарантино
Чудо в пушистых перьях
Любовь очень зла
Час пик для новобрачных
Фитнес для Красной Шапочки
Брудершафт с терминатором
Миллионерша желает познакомиться
Фуршет для одинокой дамы
Амплуа девственницы
Список донжуанов
Ангел нового поколения
Бочка но-шпы и ложка яда
Мавр сделал свое дело
Тень стрекозы
Одна, но пагубная страсть
Закон семи
Сжигая за собой мосты
Последняя любовь Самурая
Невеста Калиостро
Испанская легенда
4 любовника и подруга
Welcome в прошлое
С чистого листа
Мое второе я
Уходи красиво
Неутолимая жажда
Огонь, мерцающий в сосуде
Она в моем сердце
Тайна, покрытая мраком
Выйти замуж любой ценой
Судьба-волшебница

В пятницу он мне приснился. Владан шел по улице, на плече рюкзак, который был в ходу у солдат Отечественной, в выцветшей на солнце гимнастерке и сапогах. Но во сне это не показалось странным. Даже наоборот. Идет солдат с фронта... Кажется, я была на машине, я выскочила и кинулась к нему со всех ног, закричав: «Владан», — он медленно, точно нехотя обернулся, махнул рукой в знак приветствия, и на губах его появилась улыбка, та самая, которую я так любила, правда, видела совсем нечасто. Я повисла у него на шее, а он обнял меня, подхватил на руки, я зажмурилась от счастья, а когда вновь открыла глаза, Владана не было. Вместо него — мужчина, которого я видела первый раз в своей жизни. Я заорала, теперь уже от ужаса, шарахнулась в сторону, а он насмешливо посмотрел на меня и сказал голосом Забелина: «Никуда ты от меня не денешься».

Наверное, от своего крика я и проснулась. Хотя вряд ли Валерка спал, лежа на спине, дышал ровно, спокойно. Обычно спит он чутко и от моего вопля наверняка бы проснулся. Я осторожно поднялась и направилась в кухню. В огромном доме тишина. За окном темно, я ткнулась лбом в холодное стекло,

заревела, скорее заскулила, точно брошенная хозяйном собака, смотрела на свое отражение в темном стекле, борясь с искушением разнести все вокруг вдребезги. Давно бы разнесла, если бы не была уверена — это не поможет. Выпила воды, села в кресло, взглянув на часы. Половина второго. Черт, как долго ждать утро! Хотя и утро вряд ли особо порадует.

Владан исчез осенью. Однажды я проснулась, а его рядом не оказалось. Зато его кухня была заставлена цветами. Ни записки, ни телефонного звонка. Маринка, его бывшая, тогда сказала: «Родина позвала, а Родине не отказывают». Помню, как это меня тогда взбесило. Марич по отцу серб, только вовсе не Сербию Маринка имела в виду, говоря о зове. В Сербии сейчас, слава богу, спокойно, а Марич обычно оказывался в весьма опасных местах, где требовались его таланты. Так что сейчас он мог быть где угодно, везде, где полыхает война.

Само собой, он и раньше исчезал, внезапно, никого не предупредив. Но это было до моего появления в его жизни. С чего я взяла, что со мной будет иначе? Святая наивность. Наверное, мне следовало быть готовой к этому, к его внезапному исчезновению без прощания, без заверения, что скоро вернется. Ведь об этом меня предупреждала не только Маринка, но и друг Владана Бад, на самом деле предупреждали все кому не лень. И мне казалось, что я была к этому готова, а вышло все совсем по-другому. И вместе с растерянностью и жутким одиночеством была лютая обида на Марича. Он бросил меня... Честно сказать,

правдой это было лишь наполовину, но мне и этой половины за глаза хватало. Обида жгла душу, а я гнала ее прочь, боясь, что мои мысли вдруг скажутся на его судьбе, и я начинала неумолимо молиться за раба Божьего Владана.

Первые месяцы казались самыми тяжелыми, но теперь я боялась даже больше. На днях Маринка на мой вопрос, как долго Марич обычно отсутствовал, ответила, хмурясь: «Так долго в первый раз! Обычно месяца три-четыре, максимум полгода». А тут уже седьмой месяц пошел.

Валерка, узнав о неожиданном отъезде Марича, помнится, съязвил:

— Даже если в этот раз он вернется, что само по себе вопрос, то через некоторое время смоемся опять. Пока Родина не доставит его в цинковом гробу. Хотя вряд ли раскошелится на это. Значит, прикопают где-то, и ты об этом даже не узнаешь.

Я готова была убить его за эти слова, хотя, по сути, он прав. И, просыпаясь среди ночи, я с ужасом думала: «Вот сейчас, в эту минуту случилось самое страшное...» Я буду ждать его всю жизнь, но так и не узнаю правды.

Я выпила воды и вернулась в спальню. В огромном Валеркином доме мы использовали только первый этаж, в инвалидной коляске по лестницам не прыгаешь. Света из коридора хватало, чтобы разглядеть его лицо, он лежал на спине, вдруг поднял голову и позвал:

— Полина!

Я вошла в комнату, торопливо выключив свет.

— Что случилось? — спросил он.

8 Татьяна и Анна Поляковы

— Ничего, просто захотела пить. — Не очень удачное объяснение, учитывая, что на тумбочке стоят две бутылки с водой.

— Плохой сон? — заботливо спросил он, когда я легла на свою кровать, взял мою руку, аккуратно сжал.

— Все нормально, — ответила я и поспешила освободить руку.

Временами мне хотелось его убить. Огреть чем-нибудь тяжелым и почувствовать себя свободной. Хотя здесь меня никто не держит, и я могу уйти в любой момент. Беда в том, что инвалидом Валерка стал из-за меня. Мужественно закрыл меня спиной от вражеских пуль. Одна из них попала в позвоночник, он перенес уже две операции, но лучше не стало. Хотя врачи с осторожным оптимизмом советовали не отчаиваться.

Валерка — мой бывший муж. Редкая сволочь, должна вам сказать. Я с трудом от него отделалась (он долгое время не желал давать мне развод), и в страшном сне мне не могло привидеться, что мы будем когда-нибудь жить вместе. И вот очередная насмешка судьбы.

Незадолго до того как Марич исчез, мы с ним были заняты расследованием убийства (когда он не выполняет задания Родины, расследует запутанные дела). У него есть лицензия частного сыщика и такие связи, что очень многие позавидуют. Убийство было связано с наркотиками, так как мы разворошили осиное гнездо, некоторые граждане на нас очень рассердились. Владан к тому моменту уже исчез, и гнев их обратился против меня.

Не окажись рядом Валерки, я сейчас пребывала бы на кладбище¹. Теперь я считала, что предпочла бы кладбище, знай, во что это выльется. Валерка оказался в больнице, а врачи огорошили меня заявлением: велика вероятность, что он на всю жизнь останется инвалидом. Сдержанный оптимизм появился гораздо позже, но и тогда особой уверенности в голосе врача я не обнаружила. О своем диагнозе он уже знал и первым делом погнал меня из палаты, когда я там появилась. Будь я умнее, его бы послушала. Впрочем, не факт.

Ситуация хуже не придумаешь. Любимый обретается в одной из горячих точек, а мой злейший враг закрывает меня от пуль, да еще благородно заявляет, я ему ничего не должна и могу катиться на все четыре стороны. Не знаю, как бы он повел себя на моем месте, а я принялась таскаться к нему в больницу каждый день, при этом ненавидя себя, его и весь этот мир в придачу. Я приходила, садилась возле его постели, а он делал вид, что меня не замечает.

Мой папа, единственный из нас троих обладавший на тот момент здравым смыслом, пробовал донести до меня мысль: какой бы ни была моя благодарность за спасенную жизнь, это не повод приносить себя в жертву. Уж если я не люблю Забелина, значит, никакая благодарность не поможет, мы будем страдать на пару, и кончится это скверно. Как именно, папа не сказал, но я догадывалась.

Впрочем, папа и сам, должно быть, толком не знал, как поступить; в отличие от меня к Валерке он относился очень хорошо, так как о его «подвигах»

¹ Роман Т. Поляковой «Голос, зовущий в ночи».

я молчала. Но зять-инвалид, уход за которым ляжет на мои хрупкие плечи, не был предметом его мечтаний. Да и в моей любви к бывшему он очень сомневался, хотя она вполне могла возникнуть: благодарность за спасенную жизнь и все такое. Но отец слишком хорошо знал, как я отношусь к Владану.

Я малодушно решила, что прощусь с Валерой, как только его выпишут из больницы. Папа на выписку прийти не мог, была важная встреча в Москве. Я пришла одна и удостоилась насмешливого взгляда:

— Думаешь, я без тебя не справлюсь?

Я молча помогла собрать его вещи, потом переселась в инвалидную коляску, которую он успел купить по Интернету. Управляться с ней было не так просто, еще труднее перебраться из нее в машину. Ни у Валеры, ни у меня навыков не было. И он, и я вспотели от усердия и еще минут пять не могли отдышаться. Стало мне ясно, один он не справится. По крайней мере, в ближайшее время. «Надо найти сиделку, — думала я по дороге к его дому и мысленно выругалась: — Почему не подумала об этом раньше?»

Лишь только мы оказались в доме, Валера сказал:

— Спасибо, милая, дальше я сам, — в голосе, как всегда, звучала издевка.

— Давай я тебе помогу устроиться, заварю чай, вещи разберу.

— Уж как-нибудь обойдусь без твоей заботы, — съязвил он.

— Сомневаюсь, — вздохнула я.

— Катись отсюда, — сказал он, и я подумала: «Вот и отлично, совесть моя чиста». Насчет совести я лукавила, оттого и ушла не сразу. Ответила:

— Дверь я захлопну, — и в самом деле хлопнула дверью, но осталась стоять в холле, чутко прислушиваясь.

Не прошло и десяти минут, как раздался грохот, а потом крик, который очень напугал. Я бросилась в ванную, откуда доносился шум, и увидела опрокинутую коляску и Забелина на полу. Он лежал без движения, лоб был в крови, при падении он ударился о мраморную раковину. Я попыталась его поднять, он открыл глаза, посмотрел мутно и сказал:

— Я же просил! Катись отсюда.

— Не дури, — попросила я. — Уйду, когда найду сиделку.

— Мне не нужна сиделка. Сам справлюсь.

— Хорошо, значит, я уйду, как только ты начнешь справляться и перестанешь разбивать свою башку.

Посадить его в кресло было той еще задачей, учитывая, что весил Валерка примерно в два раза больше, чем я. Но кое-как справились. Ночевать я осталась у него. А что еще было делать? Поначалу решила устроиться в соседней комнате в кресле, но побоялась, что не услышу, если ночью Валерка позовет. Комнаты в его дурацком доме были метров по сорок. В спальне я тоже выбрала кресло. Забелин, оценив мои попытки устроиться, хохотнув, заявил:

— Можешь ложиться на кровать. Во-первых, это гораздо удобнее, во-вторых, ширина позволяет быть друг от друга на почтительном расстоянии, а в-третьих и в главных, у меня не только ноги отказали, но и все, что между ними. Так что ты в абсолютной безопасности, даже если сама на меня взгромоздишься. Вот такая непруха.

12 Татьяна и Анна Поляковы

Об этом врач мне тоже говорил, оттого Валеркины слова я приняла на веру, чего в других обстоятельствах никогда бы делать не стала. Я ему в принципе не верила, а теперь вдруг начала. Каково это — лишиться постельных радостей такому типу, как он. И тут же в который раз почувствовала себя виноватой, хотя не я в него стреляла и уж точно не просила гробить его здоровье во имя моего спасения.

Первые дни мы худо-бедно обживались, у меня не было ни времени, ни сил, чтобы подумать, какого хрена я все это делаю. Уход за Валеркой занимал все время, а вечером я падала в постель как подкошенная. Утром, за чашкой кофе он сказал:

— Мне надо на работу. Поможешь? Не хочу выглядеть беспомощным перед подчиненными.

Просьба произвела впечатление. Не сама просьба, а интонация, с которой он ее высказал. И я, не задумываясь, кивнула. О чем теперь очень жалею. Валерка, не без помощи отца, делал в бизнесе большие успехи. Впрочем, помощь потребовалась лишь на первом этапе. Отец с гордостью говорил, что Забелин бизнесмен от бога. С чутьем, деловой хваткой и способностью решать самые трудные задачи. Сейчас он входил в десятку самых крупных бизнесменов города, от отца отставал на три позиции. Подчиненные встретили его рукоплесканиями. Вряд ли они его особенно любили, хотя, как знать.

Придуриваться он умел мастерски. Довольно долго строил из себя влюбленного мужа, вполне мог и на работе изображать «отца родного». Правда, не ясно, зачем ему могло это понадобиться. Как бы то ни было, а встреча вышла впечатляющей.

Через полчаса Валерка собрал совещание и попросил меня на нем присутствовать. Смысла я в этом не видела, но возражать не стала. После того, как все разошлись, он стал приставать с расспросами, что я думаю о том или другом сотруднике.

— А на фига мне о них думать, — резонно удивилась я.

— Ты же детектив, людей должна чувствовать. Я тут затеял некоторые перемены, буду очень признателен, если ты кое к кому присмотришься.

Так и пошло. Мы были вместе двадцать четыре часа в сутки. На работе, дома. Спали в одной постели. Правда, с этим я довольно быстро покончила. Одну здоровенную кровать заменила на две небольшие, но вполне удобные. Валерка усмехнулся кривенько, но возражать не стал.

Я и не заметила, как довольно быстро втянулась в его дела. Он обсуждал их со всей серьезностью, охотно прислушиваясь к моему мнению, что было весьма удивительно. Всю нашу совместную жизнь он считал меня набитой дурой. С чего вдруг мнение изменил? Я внимательно к нему приглядывалась, подозревая очередную издевку, но он вел себя скорее дружески, и обвинить его в коварстве было не за что. Однако это не мешало мне чувствовать себя мухой, которая все больше и больше вязнет в варенье. Выбраться из этого всего хотелось очень, но сил решительно не хватало. Я будто ждала, что вот вернется Владан, вызволит меня из плена обстоятельств и все станет точно так, как прежде. Только с возвращением он не торопился.

Наверное, оттого я стала участвовать в делах компании если не с энтузиазмом, то, по крайней мере,

с определенной готовностью. Оно и понятно: будни детективов были настолько яркими и насыщенными, что сидеть не только без Владана, да еще и без дела казалось решительно невозможным. Тем более стоило хоть на пару минут отвлечься от вопросов бизнеса или бытовых забот, в голову нескончаемым потоком врываются воспоминания. Такие разные, но все одинаково яркие, они надолго сдавливали грудь ноющей болью.

Надо отдать должное Валерке — сам о Владане он со мной не заговаривал, а я, по понятным причинам, не торопилась предаваться ностальгии в его компании.

Однако делать это в одиночестве мне никто не мешал. Именно поэтому я, как обычно проведив утром Валеру до работы, развернулась в дверях и бросила:

— Прогуляюсь немного.

— Давай, пройдишь по магазинам, присмотри себе что-нибудь, я оплачу!

— Вот еще!

Не дожидаясь, когда охранник Олег Михайлович, или просто Михалыч — расторопный дядечка лет шестидесяти, закроет за Валеркой дверь, я направилась на противоположную сторону офисной парковки, к троллейбусной остановке. Общественным транспортом я пользоваться не собиралась, как, впрочем, и отправляться на шопинг, я действительно хотела просто пройтись. Погода стояла чудесная — хоть мороз так и не отступал, но солнце пригревало, да и в воздухе пахло весной.

Я пошла вдоль по улице к проспекту Мира мимо спешащих на работу и по делам прохожих, мимо от-

крывающихся кофейен и магазинчиков. Просыпалась природа, пробуждался город, только я, будто медведица, пребывала в спячке.

На проспекте мне даже стало как-то не по себе от этой всеобъемлющей суеты. Захотелось спрятаться, укрыться в берлоге. Я свернула на первую же улицу направо, но и там мне быстро стало неудобно, и я перебежала дорогу на мигающий зеленый, чтобы быстрее оказаться в тихом переулке.

Тут меня встретил лай собаки, доносившийся откуда-то из-за забора, и мигающая вдаль неоновая вывеска, изображавшая что-то, отдаленно напоминающее пирожок. К слову, если бы мне не было доподлинно известно, что это он и есть, можно было бы угадать в этих очертаниях и абрикос, и кофейное зерно, и даже морду лягушонка. Ларек этот стоял в этом тупиковом переулке много лет и давно бы загнулся в таком малопроездом месте, если бы не отменная выпечка, которая круглосуточно тут продавалась. Несколько лет назад меня впервые привела сюда подруга Верка. Ее внезапная смерть, собственно, и заставила наши с Владаном пути пересечься. Только вот благодарить подругу за эту судьбоносную встречу или проклинать оставалось вопросом открытым. В самом деле, как бы я жила сейчас, не знай я Серба, где была бы, чем занималась? Кто был бы рядом со мной?

— Что брать будете? — Я не заметила, как размышления привели меня прямо к ларьку, я стояла напротив окошка и, должно быть, выглядела странно. По крайней мере, продавщица, дама в полном расцвете сил и волос — они были ярко-фиолетового цвета, смотрела на меня с подозрением. Хотя, увере-

на, ей довелось наблюдать тут и более удивительных персонажей.

— Доброе утро! Пирожок с яйцом и булочку с маком.

— Все?

— Да, — не сразу ответила я. Первым побуждением было взять пару пирожков и для Валерки, отнести в офис. Но моя забота о нем заканчивалась там, где начинались вещи, связанные с Владаном. Я ведь как-то раз показала ему это место. Мы ехали на встречу с потенциальным клиентом, я была жутко голодная, а времени позавтракать по-человечески уже не было.

— Сверни сюда! — резко сказала я, когда мы ехали по проспекту Мира. Владан резко втопил по тормозам, чтобы не проскочить поворот. Вскоре мы остановились у неоновой вывески, и Серб с подозрением посмотрел на меня.

— Ты уверена? — спросил он. Странно было это слышать от человека, жившего в Яме. Так называлась часть города, где находилась и квартира Владана, и офис его сыскного агентства, и, вероятно, его душа. Хотя для обывателя привлекательного в этом местечке было мало: грязь, разруха и шпана разного калибра. Более того, горожане всегда обходили этот район стороной, потому что прекрасно понимали, что могли лишиться не только кошелька, но и здоровья. Так что его недоумение можно было отнести к тому, что на тот момент он уже успел неплохо узнать мои вкусы и привычки.

— Вполне! — уверенно ответила я, а он покачал головой и вышел из машины. Через пару минут Вла-

дан вернулся, сквозь целлофановый пакетик, запотевший от жара выпечки, просвечивал добрый десяток одинаково румяных пирожков.

— С чем? — поинтересовалась я.

— С начинкой!

— А ты непритязателен! Впрочем, это мне давно понятно.

Из потока воспоминаний меня вырвал раздраженный голос продавщицы, она явно взывала ко мне не первый раз.

— Девушка! Пирожки! — Я взяла пакет и направилась прочь, а она обратилась к паре, которая ждала своей очереди:

— Обдолбанная, что ли? — Слова ее явно относились ко мне, но меня это мало волновало.

Я не спеша пошла в сторону сквера неподалеку. Там я устроилась на единственной скамейке, ожидаемо пустовавшей утром буднего дня. Пирожки не подвели — вкус их нисколько не изменился. Когда я встала, чтобы выбросить пакет и салфетки в рядом стоящую урну, телефон позвонил.

— Полина! — услышала я в трубке голос Забелина.

— Что-то случилось? — Почему-то я сразу заподозрила неладное, ведь, несмотря на совместный быт, Валера редко звонил мне без веской причины.

— Не телефонный разговор. Ты далеко?

— Минут через пятнадцать могу быть в офисе.

— Жду! — Он отключился, а я открыла приложение в телефоне с намерением вызвать такси, но решила, что доберусь пешком, и припустила в сторону проспекта Мира.

До офиса я действительно добралась в обозначенное время. Михалыч курил недалеко от входа, благодушно мне улыбаясь. Я шла по коридору первого этажа и гадала, зачем Валерке понадобилось меня видеть. Офисная жизнь вокруг текла своим чередом.

Шикарный кабинет Забелина находился на втором этаже: просторный, с большими окнами. От общего коридора его отделяла приемная, где обитала бойкая секретарша Маруся, а от первого этажа — добротная мраморная лестница. Забелин уже почти внес предоплату за установку лифта, но из-за того, что двухэтажный особняк начала прошлого века был городу дорог, затея эта пока успехом не увенчалась. Впрочем, Валера теперь много работал из дома, а в офисе занял одну из двух переговорных на первом этаже, куда сейчас спешила по коридору Маруся, уткнувшись в экран смартфона.

Мы поравнялись у стеклянных дверей и непременно столкнулись бы лбами, но я вовремя увернулась.

— Ой! — подняла наконец взгляд секретарша.

— Не занят? — спросила я, кивнув на матовое стекло.

— Нет, ждет! — Она сделала шаг вперед, и автоматические двери тихо раздвинулись.

Когда мы обе оказались в кабинете, Забелин молча кивнул на поднос, стоявший на столе, а затем на дверь. Маруся взяла грязную посуду и быстро вышла, прикрыв за собой дверь.

— С тобой все в порядке? — спросила я, оглядывая бывшего, но ничего не выдавало в нем ни боли, ни какого-то необычного дискомфорта.